

250 лет со дня рождения Г. Р. Державина

КАК ИЗВЕСТНО, Гаврила Романович Державин дважды в своей жизни губернаторствовал: сначала в Олонецком крае, затем в Тамбове. Не знаю, какую память о себе оставил поэт-губернатор в Карелии, у нас же в Тамбове он за два с половиной года успел столько сделать, что воистину произошло второе рождение города, стоявшего к тому времени уже полтора столетия. Именно Державин открыл в городе народное училище, типографию, начал выпускать первую губернскую газету, основал театр. А надо ли говорить, что Державин, знаменитый российский поэт, автор «Фелицы» и «Бога», фактически пробудил местную литературу, дал ей первоначальный толчок. Он, например, стал настоящим, как бы мы сейчас сказали, наставником первого тамбовского писателя П. М. Захарьина, автора «халдейской» повести «Арфаксад».

К сожалению, Державин пробуждал сонную губернию всего с весны 1786 по начало зимы 1788 года. Местные «тамбовские волки» из богатых и власть имущих невзлюбили честного, деятельного, неподкупного и строгого к казнокрадам губернатора. Им удалось наветами и доносами выжить Гаврилу Романовича из Тамбова. И вот прошло столько времени, сменился с тех пор легион губернаторов и прочих «отцов» тамбовского края, а в памяти тамбовчан Державин остался наиболее великим из них.

Но, увы, памятник Державину в Тамбове до сих пор нет. Памятника, так сказать, материального — гранитного или бронзового. Долгие годы идут разговоры о памятнике поэту-губернатору, уже давно существует проект, однако как говорится, воз и ныне там.

Впрочем, речь сейчас не о том. По счастью, великолепный величественный памятник поэту уже существует. Находится он в каждой библиотеке города, на книжных полках любителей поэзии. Сей памятник — суть стихи Гаврилы Романовича, его книги. И это — не просто аллегория, ибо сам Державин впрямую и не однажды утверждал в своем творчестве данный факт: поэт сам себе создает нетленный нерукотворный памятник.

Лит. Россия. — 1993. — 24 сент. (№ 34-35). — С. 16.

ПАМЯТНИК

Уже в своей гениальной оде «Бог» сорокалетний поэт как бы подготавливает постамент этому изваянию, определяя свое место в мире как человека, как мыслящего и творящего индивида, творения Божьего, несущего в себе икру Создателя.

Спустя несколько лет Державин пишет стихотворение «Памятник герою», посвященное полководцу князю Репнину. Здесь, рассуждая о значении памятников великим людям, поэт уже сформулировал свое понимание этой проблемы. По Державину, такие «obeliski не тем славны, что к небу близки, не мрамором, не медью тверды», нет, главное — память о героях живет в преданиях народа.

В начале 1790-х годов скульптор Ж. Рашет изваял гипсовый бюст уже имевшего к тому времени славу первого поэта России Державина. И вновь Гавриил Романович возвращается к волновавшей его теме, из-под его пера появляется стихотворение «Мой Истукан». Кто достоин памяти потомков? Что есть слава добрая и слава худая? Заслужил ли уже сам он, Державин, кумир (памят-

ник)? Вот вопросы, ответы на которые ищет поэт. О своих заслугах он пока еще весьма скромного мнения: единственное — воспел Фелицу, «царицу россов».

Но уже в следующем, 1795 году Державин, отталкиваясь от Горация и как бы подавая в будущем пример Пушкину (который тогда еще не родился), создает свой удивительный «Памятник». Не грех напомнить хотя бы две строфы из этого стихотворения, занимающего столь важное место в наследии Державина и в русской поэзии вообще:

Я памятник себе воздвиг
чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше
пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит
быстротечный,
И времени полет его
не сокрушит.

Так! — весь я не умру,
но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти
станет жить,

И слава возрастет моя,
не увядая,
Доколь славянов род вселенна
будет жить.

Казалось бы, все сказано своей поэзией (притом — новаторской поэзией, об этом в «Памятнике» есть) Державин создал себе кумир на века. Но тема не оставляет, тревожит душу поэта. В 1804 году появляется стихотворение «Лебедь» — опять о том же Поэте (и к тому времени — один из самых сановных людей России) убежден: пусть он родом не знатен, но, «будучи любимцем муз», стоит выше всех других вельмож и со временем о нем узнают «славяне, гунны, скифы, чудь». Как видим, это словно бы продолжение «Памятника», тем более, что и строки «Лебедя» Державину навеял Гораций. И еще стоит отметить, как внимательно вчитывался Пушкин в стихи Державина.

Уже на склоне лет Гаврила Романович все мучается и мучается вопросами: осуществил ли он свое предназначение в жизни? Оправдал ли и проявил ли полностью дар, вложенный в него Богом? Достоин ли памяти потомков? Об-

этом и стихотворение «Признание» (1807), и черновой набросок «Уж я стою при мрачном гробе...» (1800-е), и четверостишие «На гробы рода Державиных...» (1810), где бездетный старый поэт, вняв перед предками, что не продолжил род Державиных, оправдывается, что «жил, сколь мог, для общего добра».

Державин, конечно же, много думал и о том, кто примет от него поэтическую эстафету. Со школьной скамьи нам известны строки Пушкина: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...». Да, Державин стал учителем в первую очередь самого Пушкина и всех его товарищей по лире, классических поэтов русского реализма XIX века. Но интересен и многозначителен черновой набросок 65-летнего Гаврилы Романовича:

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю...

Поэтов и во времена Державина было множество. Многие из них — Херасков, Дмитриев, В. Пушкин и некоторые другие — остались в истории литературы, большинство же имен стихотворцев кануло в Лету. Поэзия их не обладала признаками истинного дарования. Какими же? Сам Державин в письме к известному графomanу той поры графу Хвостову сформулировал так: «Признаки же истинного достоинства поэтов суть: 1) когда стихи их затверживаются наизусть и предаются преданием в потомство; 2) когда апофеизмы (строки, поэтические фигуры — Н. Н.) из них в заглавии других сочинений вносятся; и 3) когда они переводятся на другие просвещенные языки». Думается, определение державинское не устарело и по сию пору.

Сейчас вряд ли кто будет читать или ставить «на театре» трагедии Гаврилы Романовича «Ирод и Мариамна» или «Евпраксия», есть в его наследии и немало тяжелых, «свинцовых» стихов. А. С. Пушкин заметил как-то, что поэзия Державина состоит на 1/4 из золота и на 3/4 из свинца. Да, так, однако вот эта четверть золотой державинской поэзии и есть нетленный памятник поэту, который «выше пирамид».

А когда-нибудь, дай Бог, появится у нас в Тамбове и натуральный — бронзовый — кумир Гаврилы Романовича Державину.

Этот памятник нужен не Державину, он нужен нам.

Николай НАСЕДКИН

ТАМБОВ